

Произведения Пушкина в фольклоре

1

Число произведений Пушкина, вошедших в народный обиход и получивших фольклорный характер, сравнительно невелико. Это и понятно: за восемьдесят лет со дня смерти Пушкина до Октябрьской социалистической революции произведения великого поэта далеко не сделались общенародным достоянием. Не говоря уже о незавершенных замыслах поэта, с которыми можно было ознакомиться лишь по специальным научным изданиям, не говоря о цензурных урезках и искажениях, делавших недоступными подлинный текст его произведений, даже цензурные издания сочинений Пушкина никогда до нашего времени не являлись массовыми. Произведения Пушкина для широких демократических масс, для «простонародья», не издавались в сколько-нибудь полном объеме; это отнюдь не было в интересах дворянской и дворянско-буржуазной России. Понятно поэтому, что широким массам оставались неизвестными многие произведения Пушкина.

Только некоторые отдельные произведения выходили сравнительно большими тиражами, являлись сравнительно общедоступными.

Несмотря на эти неблагоприятные условия, все же через печать (в особенности через лубочные издания), через школу и другими путями ряд произведений Пушкина вошел в фольклор. Мы имеем в виду, с одной стороны, устное воспроизведение и распространение тех или иных произведений Пушкина в их подлинном виде, с другой! — фольклорное усвоение произведений поэта, живую жизнь их в фольклоре, сопровождающуюся изменениями. В ряде случаев мы увидим, что произведение Пушкина является только своего рода импульсом к созданию фольклорного произведения или входит в фольклорное произведение лишь частично, лишь отдельными своими деталями.

Ряд произведений Пушкина вошел в широкий песенный обиход. Интересные данные по этому вопросу находим в юбилейном (1899) издании Ярославского губернского статистического комитета¹. Школы б. Ярослав-

¹ Свирщевский, Пушкин в сельском населении и школах Ярославской губернии. Труды Ярославского губ. стат. комитета, в. X. Ярославль, 1899.

ской губернии должны были ответить на ряд вопросов, в том числе на вопрос, поются ли в народе песни на слова Пушкина. В ответах были отмечены следующие произведения: «Зимняя дорога» (в 92 случаях), «Зимний вечер» (80 ответов), «Черная шаль» (58), «Под вечер осенью ненастной» (57), «Талисман» (33), «Бесы» (26), «Я помню чудное мгновенье» (11), «Птичка» (10), «Ночной зефир» (9), «Казак» (8), «Пир Петра I» (7), «Песнь о вешем Олеге» (отрывок: «Прощай, мой товарищ» и т. д., 6), «Черкесская песня» и баллада «Русалка» (по 4 ответа), «Вишня» (3), «Пред испанкой благородной», «Конь», «Ворон к ворону летит», «Зимнее утро», «Узник» и «Бонапарт и черногорцы» (по 2 ответа), «Я вас любил», «Сватушка, сватушка» (изд. «Русалка»), «У лукоморья дуб зеленый», «Делибаш», «Полтавский бой», «Братья-разбойники» и «Анчар» (по 1 ответу).

Конечно, придавать этим данным абсолютное значение совершенно невозможно. Но результаты такого массового опроса все же показательны; в других местах таких четких наблюдений не производилось, но перечисленные здесь произведения несомненно пелись и в других местностях (это может подтвердить каждый собиратель фольклорного материала, да и вообще всякий более или менее внимательный наблюдатель народной жизни).

Широко распространены были преимущественно те произведения Пушкина, которые сами по своему характеру близки в том или ином отношении к фольклорным.

Некоторые из этих произведений пережили более сложную историю: они были усвоены фольклором и подверглись ряду более или менее значительных изменений.

Таковы сказки Пушкина «О рыбаке и рыбке» и «О царе Салтане», баллада «Утопленник», поэма «Братья-разбойники» и повесть «Дубровский», стихотворения «Узник» и «Черная шаль».

2

Сказки Пушкина (за исключением «Сказки о золотом петушке») основаны на фольклорном материале. Но это не только материал живого русского фольклора, непосредственно знакомого Пушкину в устной традиции. Пушкин иногда пользовался и тем фольклорным материалом, который был известен ему по книжным источникам, в частности, по сборнику бр. Гриммов (в библиотеке Пушкина сказки Гриммов имелись во французском переводе). Пушкинские сказки, сравнительно широко распространившиеся через школу и через дешевые издания, могли оказывать и оказывали, так сказать, «обратное» воздействие на фольклор.

Особенно показательна в этом отношении история сказки «О рыбаке и рыбке». В настоящее время совершенно точно установлено, что сказка эта написана Пушкиным на основе сказки из сборника бр. Гриммов¹. В русском фольклоре сказка со сходным сюжетом излагается обычно

¹ См. в особенности статью М. К. Азадовского, Источники сказок Пушкина, «Пушкин». Временник Пушкинской Комиссии, I, изд. Академии наук, 1936, стр. 134—163.

иначе, чем у Пушкина; в частности, русские сказки говорят не о рыбке, а о коте, о птичке, о «гроше», помогающих бедняку; пожелания старухи также формулируются иначе, чем у Пушкина; нередко сказка оканчивается превращением старика и старухи в медведя и медведицу и т. п. — в наказание за жадность. Сказка же в сборнике бр. Гриммов вполне соответствует тексту Пушкина; в черновиках у Пушкина сохранился такой эпизод, как желание старухи стать «римской папой», что уже никак не может быть возведено к русскому фольклору.

В свою очередь пушкинское изложение сказки нашло свое отражение в фольклоре. Еще в 1853 г. в Вильно вышел (на польском языке) сборник белорусских сказок Глинского¹. Одна из сказок третьего выпуска (№ 3), записанная в б. Новогрудском у. Минской губ., чрезвычайно близко передает текст Пушкина. Вот для примера отрывок из сказки Пушкина и из белорусской сказки. У. Пушкина:

Воротился старик ко старухе,
 Что же он видит? Высокий терем.
 На крыльце стоит его старуха
 В дорогой собольей душегрейке,
 Парчевая на маковке кичка,
 Жемчуги огузили шею,
 На руках золотые перстни,
 На ногах красные сапожки.
 Перед нею усердные слуги;
 Она бьет их, за чупрун таскает.

У. Глинского (даем русский перевод польского текста):

«Возвращается старик к старухе, смотрит — что за чорт! Такая злость и такая спесь!.. На месте домика стоит панский двор, а на крыльце сидит его старушка, в шелковом платье, в бархатной шляпке с лентами, с жемчужными бусами на шее, с золотыми перстнями на пальцах: перед нею стоят покорные слуги, а она дубасит их и, схвативши обеими руками, яростно таскает за волосы».

Трудно сомневаться в том, что перед нами именно передача пушкинского текста, так как таких соответствий в сказке Глинского много².

Блинок к пушкинскому также вариант, опубликованный А. Н. Афанасьевым³. Вариант этот считался даже непосредственным источником сказки Пушкина (предполагалось, что он сообщен был Пушкину Далем), но после опубликования черновиков Пушкина нельзя сомневаться в ином

¹ A. I. Gliniski. Bajzar polski. Wilno, 1853. Мы пользуемся третьим изданием (1881 г.). Глинский называет сказки польскими и передает их на польском языке, фактически же это — белорусские сказки.

² I. Polivka в статье «Rybár a' zlatà rybka» (Narodopisny sbornik cesko-slovansky) I, 1897, стр. 49—63; см. также: I. Polivka, Lidove povidky slovanské I, Praha, 1929, стр. 1—22) указывает, что сказка Глинского производит впечатление перевода сказки Пушкина; проникновение пушкинской сказки в «народ» он считает мало вероятным.

³ Афанасьев А. Н. Народные русские сказки № 39 (в первом издании, вып. VIII, М. 1863, № 15). См. также новое издание, «Академия», т. I, 1936 г., № 75 и примечания к нему.

происхождении сказки Пушкина; афанасьевский же текст следует считать результатом воздействия на фольклор литературного текста¹.

Вот начало афанасьевской сказки:

«На море на окиане, на острове на Буяне стояла небольшая ветхая избушка; в той избушке жили старик да старуха. Жили они в великой бедности; старик сделал себе сеть и стал ходить на море да ловить рыбу: тем только и добывал себе дневное пропитание. Раз как-то закинул старик свою сеть, начал тянуть и показалось ему так тяжело, как доселева никогда не бывало: еле-еле вытянул. Смотрит — а сеть пуста: всего-навсего одна рыбка попалась, зато рыбка не простая — золотая. Взмолилась ему рыбка человеческим голосом: «Не бери меня, старичок, пусти лучше в синее море; я тебе сама пригожусь, что пожелаешь, то и сделаю». Старик подумал-подумал и говорит: «Мне ничего от тебя не надобно: ступай, гуляй в море!»

Начало это очень близко к пушкинскому:

Жил старик со своею старухой
У самого синего моря;
Они жили в ветхой землянке
Ровно тридцать лет и три года.
Старик ловил неводом рыбу,
Старуха пряла свою пряжу.
Раз он в море закинул невод,
Пришел невод с одною тинью.
Он в другой раз закинул невод,
Пришел невод с травой морскою.
В третий раз закинул он невод,
Пришел невод с одною рыбкой,
С не простою рыбкой, золотою.
Как взмолилась золотая рыбка,
Голосом молвит человеческим:
«Отпусти ты, старче, меня в море,
Дорогой за себя дам откуп:
Откуплюся чем только пожелаешь».
Удивился старик, испугался:
Он рыбачил тридцать лет и три года.
И не слыхивал, чтоб рыба говорила.
Отпустил он рыбку золотую,
И сказал ей ласковое слово:
«Бог с тобою, золотая рыбка!
Твоего мне откупа не надо;
Ступай себе в синее море,
Гуляй там себе на просторе».

Даже детали и отдельные выражения («в ветхой землянке» — «ветхая избушка»; «с не простою рыбкой, золотою» — «зато рыбка не простая — золотая»; «Ступай себе в синее море, гуляй там себе на просторе» — «ступай, гуляй в море») совпадают.

Как и у Пушкина, в сказке Афанасьева старуха требует себе новое корыто, затем избу, затем хочет стать воеводихой (у Пушкина — дворянкой), затем царицей и, наконец, владычицей морскою (последнее

¹ Эту мысль высказал еще В. Майков в статье «Сказка о рыбке к рыбе Пушкина и ее источники» («Журн. Министер. нар. просв.» 1892, V).

желание особенно характерно: в фольклорных русских текстах оно не встречается).

Но, как и в других случаях, проникнув в фольклор, сказка Пушкина не остается неизменной. В тексте Афанасьева (добавлено еще одно) желание старухи, и оно поставлено первым: старуха заставляет старика попросить у рыбки хлеба («Ведь скоро сухой корки не будет—что жрать-то станешь?»). Когда старуха стала воеводихой, она приказывает слугам избить старика: «Эй, люди! взять этого мужичонька на конюшню и отодрать плетью как можно больше». Здесь проявились в сказке черты подлинной крестьянской действительности.

Иначе, чем у Пушкина, изображается старуха царицей. Пушкин дает картину в духе (примерно) XVI века:

Старичок к старухе воротился,
Что ж? пред ним царские палаты,
В палатах видит свою старуху,
За столом сидит она царицей,
Служат ей бояре да дворяне,
Наливают ей заморские вины;
Заедает она пряником печатным;
Вкруг её стоит грозная стража,
На плечах топорики держат...

В фольклорном тексте дана картина в духе XVIII—XIX вв. е специфически солдатской трактовке.

Воротился старик, а вместо прежнего дома — высокий дворец стоит, под золотою крышею; кругом часовые ходят да ружьями выскidyвают; позади большой сад раскинулся, а перед самым дворцом — зеленый луг; на лугу войска собраны. Старуха нарядилась царицею, выступила на балкон с генералами, да с боярами и начала делать тем войскам смотр и развод: барабаны бьют, музыка гремит, солдаты «ура» кричат!...

Таким образом, при значительной близости к пушкинскому тексту, фольклорная сказка не является простым его воспроизведением.

Несколько иного рода картину представляет пинежская сказка, опубликованная И. В. Карнаухова¹. Это очень коротенькая сказка, являющаяся в сущности схематическим изложением сказки Пушкина. Старик ловит золотую щуку; старуха требует избу (корыто опущено, но в конце поворится, что перед старухой — «гнилая колода»), затем она хочет стать дворняжкой, затем царицей, наконец требует себе прислугу (отзвук пушкинского текста: «Чтоб служила! мне! рыбка золотая и была! б у меня на посылках»). Рассказана сказка шестнадцатилетней девочкой и знакома ей, повидимому, через школу, или через книгу (хотя сама рассказчица малограмотна).

¹Близка к пушкинскому тексту еще одна литовская сказка из б. Роньского у. Ковенской губ.²: здесь рыбак и его жена живут в бедной

¹ И. В. Карнаухова, Сказки и предания Северного края. «Academia» 1934 г., стр. 210—211, № 107.

² M. Dawojna-Sylwestrowicz, Podania Zmujdzkie, I Warszawa, 1894, стр. 236 и сл. (ср. J. Poljvka, Lidové povidky slovanské, I, стр. 5).

избушке 33 года, как и у Пушкина; описание старухи-дворянки дано очень сходно с пушкинским (даже на ногах у нее красные черевички) и т. д. Можно думать, что и этот текст является пересказом пушкинской сказки, занесенной к литовцам¹.

3

«Сказка о царе Салтане» написана Пушкиным на основе фольклорных материалов (известна между прочим, конспективная запись аналогичной сказки, сделанная самим Пушкиным), но с привлечением книжных источников. Некоторые детали пушкинской сказки нашли отражение в фольклоре.

Так, в сказке из б. Новгородской губ., опубликованной А. М. Смирновым², в отличие от большинства фольклорных вариантов, говорится об одном сыне, родившемся у царицы (обычно речь идет о трех, девяти и т. д. сыновьях; так и в записи Пушкина; в литературной же обработке — один сын). Среди чудес, о которых рассказывается в сказке, упоминается элка, на которой собачка (вместо пушкинской белки) грызет золотые орехи.

В неоконченной красноярской сказке, записанной М. В. Красноженовой от рассказчицы Е. И. Чичаевой, есть отдельные места, восходящие к пушкинскому тексту, хотя в целом сказка самостоятельна. Так как сказка эта в печати не появлялась, приводим начальную часть ее в подлиннике:

«Жил-был царь и задумалось ему однажды посмотреть свою столицу; он вышел поздно вечером и пошел. Вот он уж шел, свернул в глухой переулок, видит — светит огонек, подошел тихонько и слушает. А там сидели три сестры, они сидели все за прялками, пряли белый лен. Ну старшая и говорит: «Кабы я была царица, то на весь бы мир одна напредила бы полотца», а вторая говорит: «Кабы я была царица, я устроила бы пир на весь царский мир», а третья говорит: «Кабы я была царица, то в три года для батюшки-царя я родила бы девять сыновей и всех богатырей, а десятого бы родила атамана-свистунка, чтоб спереди солнце, а сзади месяц, а вокруг головушки — ясны звездочки». Вдруг дверь растворилась, входит царь и берет за руки девицу и повел в свою светлицу, а двум родным ее сестрам велел следовать за ним.

Ну, когда привел жену, она забеременела и родила к десяти месяцам трех сыновей. А эти самые сестры и бабушка, которая бабничала (у ней была дочь, и она хотела ее за царя отдать), они были сердиты на царицу. Когда сыновья родились, бабушка с сестрами засмолили их всех в бочку и отправили по морю. А царю сказали: «Вот тебе вместо трех-то сыновей и котят, и щенята, и неведомы зверята». Царь все же оставил ее до другого раза. Она потом опять трех родила. Они опять так же сделали, царю опять докладывают: «вот, царица твоя (набрали каких-то зсяких зверьков и приносят), вот (говорят), посмотри, кого жена тебе вместо богатырей-то носит». Царь разгневался, но еще оставил жену до третьего

¹ В. Н. Чернышев в статье «Сказки и сказочники пушкинского уголка» («Сказочная комиссия в 1927 г. Обзор работ» Л. 1928, стр. 15—26) указывает две сказки о рыбаке и рыбке; записанные им в 1927 г. в окрестностях села Михайловского и восходящие к тексту Пушкина (стр. 19, № 24; стр. 21, № 32).

² А. М. Смирнов, Сборник великорусских сказок Архива русского географического общества, вып. I (II, 1917), № 96.

году. На третий год опять родила трех богатырей и атамана-свистунка, но его успела спрятать: завернула в платочек и положила его под правую пазуху. Когда царю опять доложили, он рассердился, приказал ее со зверушками заколотить в бочку и отправить по морю...»

Дальнейшее изложение близости к тексту Пушкина не представляет; в общем сказка эта, несомненно, не восходит к пушкинской, а отчасти осложнена влиянием пушкинского текста¹.

К произведениям сказочного характера примыкает также «Утопленник».

«Утопленник» известен нам в эстонском пересказе, записанном неким Бахманом в 1902 г.² Приводим в переводе этот рассказ:

На мысе Юмида³ море выбросило на берег утонувшего мужика вместе с рыболовными сетями. Дети рыбака увидели это и дали знать отцу. Отец испугался и задумался, как бы спастись от этого. Он запретил детям кому-либо говорить об этом случае и обещал купить им булку, если они будут молчать. Сам же он побегал тотчас же на берег и увидел в сетях труп мужика с опухшим лицом. Он схватил труп и толкнул обратно в море.

Вечером, когда он уже собирался спать, услышал он за дверью стук. Он испугался, кто это может быть так уже поздно, и велел зайти. Когда же стук не прекратился, он подошел к окну посмотреть, кто там может быть. Что же он там увидел? Тот же мужик, которого он толкнул в море, стоял нагишом перед окном, черные раки висели на нем и с бороды стекала вода. В великом страхе мужик захлопнул ставни, но стук не прекращался, а все продолжался до утра. С этих пор мужик был так напуган, что по вечерам никогда не смел ходить на берег моря.

Рассказ передается здесь в виде изложения действительного случая. Однако близость к тексту Пушкина так велика (вплоть до таких деталей, как раки, впившиеся в тело, и вода, стекающая с бороды утопленника, или булка, которую отец обещал детям за молчание, и т. д.), что не может быть сомнения в происхождении этого рассказа именно из произведения Пушкина.

Поэма «Братья-разбойники» во многом созвучна так называемым «разбойничьим» песням и опирается на них⁴. В свою очередь эта поэма частично вошла в одну из популярных фольклорных пьес, а именно в пьесу «Лодка». Здесь изображается шайка разбойников, атаман которой слышит в «заповедных лесах» пение и приказывает привести «дерзкого пришельца», распевającego песню. Разбойники приводят связанного незнакомца, который на предложение атамана: «Расскажи нам, чьего ты роду-племени», отвечает следующим рассказом:

¹ В. И. Чернышев в названной выше статье указывает записанную им сказку, частично совпадающую с текстом пушкинской «Сказки о царе Салтане» (стр. 19, № 20).

² Eesti Rahva Muuseumi Aastaraamat. «Ежегодник Эстонского народного музея», IX—X, стр. 169. Текст этот любезно указан нам и переведен на русский язык преподавателем Педагогического института им. Герцена К. К. Трейном.

³ Юмида — небольшой мыс в северной части Эстонии.

⁴ См., в частности, статью В. А. Закруткина «Разбойничий» фольклор в «Братьях-разбойниках» Пушкина. «Резец», 1936, № 2, стр. 16—18.

«Роду-племени своего я не знаю,
 А по воле недавно гуляю...
 Нас было двое — брат и я.
 Вскормила, вспоила чужая семья.
 Житье был не в сладость,
 И взяла нас завидость;
 Наскучила горькая доля,
 Захотелось погулять на воле.
 Взяли мы с братом вострый нож
 И пустились на промысел опасный;
 Взойдет ли месяц среди небес,
 Мы из подполья — в темный лес,
 Притаимся и сидим,
 И на дорогу все глядим:
 Кто ни идет по дороге —
 Купец богатый,
 Или барин брюхатый —
 Всех бьем,
 Все себе берем!

А не то в полночь глухую
 Заложим тройку удалую,
 К харчевне подъезжаем,
 Все даром пьем и подъедаем...
 Но недолго молодцы гуляли,
 Нас скоро поймали,
 И с братом вместе кузнецы сковали,
 И стражи отвели в острог.
 Я там жил, а брат не мог:
 Он скоро захворал
 И меня не узнавал,
 А все за какого-то старика признавал.
 Брат скоро помер, я его зарыл,
 А часового убил,
 Сам побежал в дремучий лес
 Под покров небес;
 По чащам и трущобам скитался
 И к вам попался:
 Ежели хочешь, я буду служить вам,
 Никому спуска не дам!¹

Текст Пушкина чрезвычайно сильно сокращен, а в оставшейся части изменен. Четырехстопный ямб Пушкина сохранился лишь в немногих стихах, рифмы всюду даны смежные (а кое-где отсутствуют); у Пушкина же применяются различные виды рифмовки (как и в других «южных» поэмах), причем соседних рифм сравнительно немного. Рассказ незнакомца приобрел вследствие этого характер рифмованной и ритмизованной прозы или рашеника. Есть изменения в отдельных выражениях и оборотах. Наиболее сложные и тонкие психологические моменты устранены, и весь рассказ приобрел более динамический характер. Значительно изменена концовка: один из братьев умирает в тюрьме, другой убегает, тогда как у Пушкина убегают оба и лишь позднее младший брат умирает.

Вот для примера параллельные отрывки из поэмы Пушкина и из фольклорной драмы:

¹ Запись Н. Н. Виноградова. Цитируем по «Исторической хрестоматии по истории русской словесности» В. В. Сиповского, т. 1, в. 1, изд. 2-е (СПб, 1908), стр. 241, где этот текст был опубликован впервые.

У Пушкина:

Мы жили в горе, средь забот,
 Наскучила нам эта доля,
 И согласились меж собой
 Мы жребий испытать иной;
 В товарищи себе мы взяли
 Булатный нож да темну ночь:
 Забыли робость и печали,
 А совесть отогнали прочь.
 Ах, юность, юность удалая!
 Житье в то время было нам,
 Когда, погибель презирая,
 Мы все делили пополам.
 Бывало только месяц ясный
 Взойдет и станет средь небес,
 Из подземелия мы в лес
 Идем на промысел опасный...

В драме:

Наскучила горькая доля,
 Захотелось погулять на воле.
 Взяли мы с братом вострый нож
 И пустились на промысел опасный.
 Взойдет ли месяц среди небес,
 Мы из подполья — в темный лес...

Здесь особенно ясно видно, что фольклорная переработка устраняет психологические и лирические мотивы и оставляет, в сущности, лишь изложение фактических данных.

Драма «Лодка» с включением в нее текста поэмы «Братья-разбойники» получила значительное распространение¹. Естественно, при этом текст поэмы подвергался то большему, то меньшему изменению. Приведенный нами текст сравнительно очень краток; в нем изменена и сюжетная основа поэмы (изображается бегство одного из братьев вместо обоих). В таком кратком изложении и с таким же изменением сюжета (один из братьев умирает в тюрьме, другой спасается, причем о бегстве его даже не говорится) поэма Пушкина дана в опубликованном Н. Е. Ончуковым тексте пьесы «Шайка разбойников» (стр. 99—112, № V) в речи разбойника Разова (стр. 102—103).

Значительно полнее передана поэма в тексте пьесы «Шлюпка» (также в сборнике Ончукова, стр. 88—98, № IV). Здесь речь «егеря» (стр. 95—96) начинается четверостишием, заимствованным из двух строф «Шотландской песни» Пушкина:

Ворон к ворону летит,
 Ворон ворону кричит.
 Ворон ворону в ответ,
 Ворон знает, где обед.

¹ См. кроме приведенного текста: Н. Дризен, Материалы по истории русского театра, изд. 2. М. 1913, стр. 267—281; Чесалин, К истории народного театра. Новая запись «Лодки». «Этнографическое обозрение», 1910, № 3—4, кн. LXXXVI—LXXXVII; Н. Е. Ончуков, Северные драмы, СПб, 1911.

Непосредственно к этим словам примыкает затем переделка «Братьев-разбойников»:

Не стая воронов слеталась
На груды тлеющих костей, —
За Волгой шайка собиралась
Вкруг пылающих огней...

Лексически поэма Пушкина изменена весьма значительно (и сокращена), но сюжетное развитие сохранено (жизнь на воле, тюрьма, бегство, смерть младшего брата).

Наконец, в другом тексте «Шлюпки» (Ончуков, стр. 70—87) поэма «Братья-разбойники» использована два раза: сначала в речи атамана (стр. 71; изложение очень краткое), затем — в речи «егеря» (стр. 78—81). В последнем случае изложение наиболее близко к тексту Пушкина; точно передано содержание поэмы (включая и болезнь младшего брата в тюрьме), сохранены и многие отдельные выражения. Вот для примера отрывок из пьесы (стр. 79).

И я брата старше был пятью годами
И вынести брата больше мог:
В цепях за душными стенами
Я уцелел, он изнемог...

Но и здесь поэма значительно сокращена за счет лирических мест.

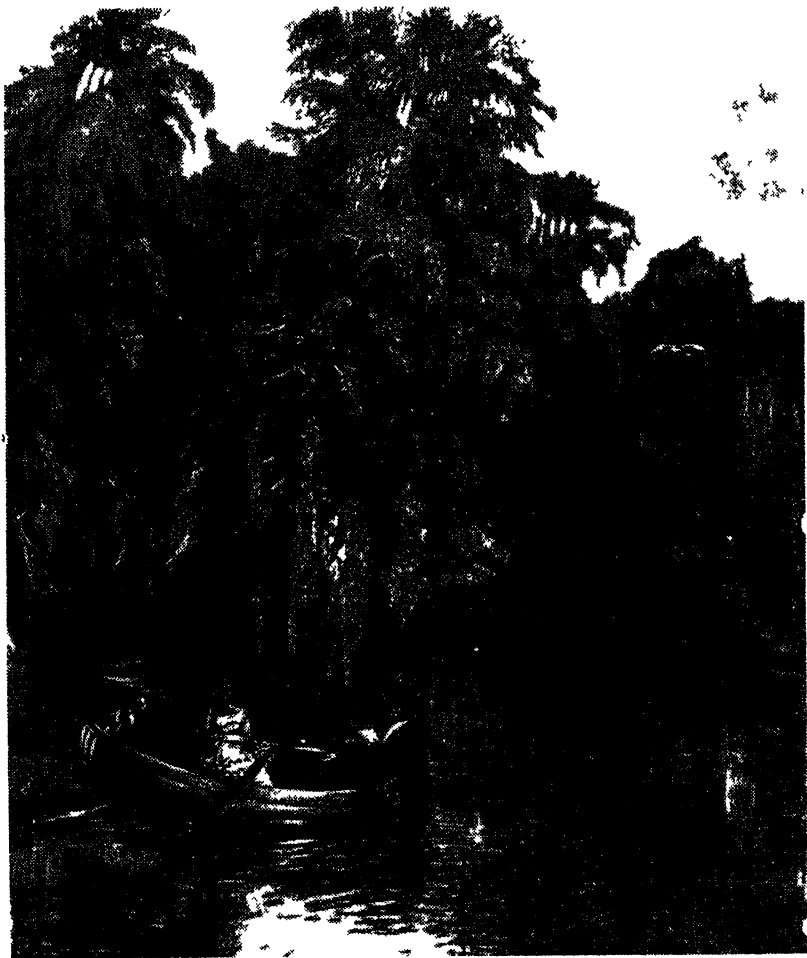
В связи с «разбойничьей» темой следует отметить также воздействие повести «Дубровский» на рассказ о Тришке-Сибиряке, правда, известный только в одной записи и, может быть, единичный, а не традиционно фольклорный в точном смысле этого слова, но по типу своему все же приближающийся к фольклорным. Содержание этого рассказа таково¹.

Тришка-Сибиряк — разбойник. Он узнает об одном жестоком барине, который «в разор разорил» своих мужиков и посылает этому барину письмо с требованием выдать мужикам на каждый двор по пятидесяти рублей. Барин не исполняет этого требования. Тришка посылает второе письмо, требуя по 100 рублей на каждый двор; барин не исполняет и этого требования. Тришка посылает третье письмо и сообщает, что через две недели сам явится к барину в гости. Барин вооружает всю свою дворню и сообщает об ожидающемся появлении Тришки в город.

Перед обедом к барину приходят солдаты с офицером; офицер сообщает, что прислан из города «на подмогу». Барин угощает офицера, беседует с ним, говорит, что не боится теперь не только Тришки, но и никого вообще. «Офицер» заявляет ему, что он-то и есть Тришка, пугает барина пистолетом и требует двадцать тысяч (вместо двух тысяч, которые просил для мужиков раньше). Под угрозой пистолета барин идет в другую комнату и отсчитывает Тришке деньги, а затем провожает Тришку из усадьбы; на прощанье Тришка требует, чтобы барин не обижал крестьян.

Повидимому, здесь можно говорить о влиянии именно повести Пушкина: рассказов о разбойниках в русском фольклоре много, но образ

¹ Приводим первую часть рассказа (так как дальнейшее не имеет отношения к нашей теме). См. «Современник» 1861 г. № 5. П. Якушкин, Путевые письма, стр. 199 и далее.

Пушкин в селе Згомони. Работа Спасского. Первая Московская областная выставка художников-самоучек

разбойника, защитника бедняков, и самый характер его нападений на господ напоминают отчасти, например, рассказ Анны Савищны о том, как Дубровский навелит ея, переодетый генералом, отчасти рассказ о том, как Дубровский ограбил Антона Пафнутыча, напугав его пистолетом (гл. IX, X). Очевидность воздействия Пушкина на фольклор здесь, однако, несомненно менее бесспорна, чем в отмеченных выше случаях. Самое большее, речь может идти о некоторой реминисценции из Дубровского, а не о прямом изложении пушкинского текста. Быть может, фольклорный рассказ существовал и сам по себе и лишь несколько ослож-

нился под влиянием повести Пушкина; а самое это влияние было возможно потому, что тема пушкинской повести являлась одной из весьма распространенных в фольклоре.

4

Особенно много известно случаев переработки «Узника». Тема тоски заключенного в темнице сама по себе чрезвычайно популярна в фольклоре; отсюда, очевидно, растет и популярность «Узника». Мы приведем здесь лишь некоторые варианты.

Иногда «Узник» поется почти точно в соответствии с пушкинским текстом, с весьма незначительными отступлениями. Таков, например, следующий текст, записанный З. Н. Куприяновой в 1927 г. в дер. Погромне, Московской области:

Сижу за решеткой в темнице сырой
 Вскормленный в неволе орел молодой,
 Мой грустный товарищ, махая крылом,
 Кровавую пищу клюет под окном,
 Клюет и бросает, сам смотрит в окно,
 Как будто со мною задумал одно.
 Зовет меня взглядом, и криком своим
 Он вымолвить хочет: «Давай улетим!
 Мы вольные птицы, пора, брат, пора,
 Туда, где на солнце сияет гора,
 Туда, где синее морская волна,
 Туда, где гуляет лишь ветер да я!»¹

В других случаях текст изменяется и изменяется весьма значительно.

Другой вариант, записанный З. Н. Куприяновой в дер. Погромне, отличается более сложным характером: «Узник» переходит здесь в любовную песню. Вот этот вариант.

Орелик, орелик, орел молодой
 Летает по воле, добычу ищет,
 Найдя добычу, сам в клетку попал.
 Сидит за решеткой орел молодой,
 Кровавую пищу клюет под окном,
 Клюет и бросает, сам смотрит в окно,

¹ Запись З. Н. Куприяновой из моего рукописного собрания. Разрядкой отмечены отличия от текста Пушкина. Для сравнения приводим подлинный текст:

- Сижу за решеткой в темнице сырой,
 Вскормленный в неволе орел молодой,
 Мой грустный товарищ, махая крылом,
 Кровавую пищу клюет под окном,
 Клюет и бросает и смотрит в окно,
 Как будто со мною задумал одно.
 Зовет меня взглядом и криком своим
 И вымолвить хочет: «Давай улетим!
 Мы вольные птицы: пора, брат, пора!
 Туда, где за тучей белеет гора,
 Туда, где синее морские края,
 Туда, где гуляем лишь ветер... да я!»

Пушкин. Портрет работы Милованова. Первая всероссийская выставка
самодельного искусства художников колхозов и совхозов

Сам смотрит в окошко — товарища ждет.
 «Товарищ мой верный, давай улетим,
 Улетим далеко в чужие края,
 Где солнце не светит, луна никогда,
 Там ходит-гуляет зазноба моя,
 Зазноба, зазноба не маленькая,
 Зазнобила сердце твое и мое».
 — Стелю я постелю, стелю пухову,
 Кладу к изголовью, кладу высоко,
 Посулился милой вечерней порой,
 Приходит мой милой к Сашеньке в окно:
 «Отворь, моя Саша, отворь ворота»,
 Пришел к тебе, Саша, Ваня-сирота...¹

Первая часть песни сравнительно близко воспроизводит текст «Узника» (во всяком случае его легко узнать); переход к теме «азнобы» делается в подобных вариантах обычно через формулу «улетим далеко в чужие края, где солнце не светит, луна никогда; там ходит-гуляет зазноба моя (или: девчонка одна)». Но последние шесть стихов в других вариантах нам не встречались и никак не связываются с предшествующим текстом; повидимому, они являются механическим песенным прибавлением.

Иное развитие получает тема «Узника» в сибирском варианте из бывш. Томской губернии:

Сидел за решеткой
 Орел молодой.
 Клевальную пищу
 Клюет под окном;
 Клюет и бросает,
 Сам смотрит в окно.
 И один мой товарищ
 Задумал одно.
 «Куда ж мы, товарищ,
 С тобой полетим?»
 «Полетим, товарищ,
 На сини моря.
 На синим на море
 Бушует волна,
 За этой волной
 Белеет тюрьма.
 Во этой тюремке
 Несчастный сидел.
 Несчастный сидит,
 Сам в окошко глядит.
 В окошко глядит —
 Палача к себе ждет.
 Идет палач в тюрьму
 И кнут на руке.

Зашел палач в тюрьму —
 Разбойника нет.
 Защыкал, затопал —
 Разбойник пришел.
 — Судите-рядите.
 Начальство, меня,
 Бейте плетями
 Спину вы мою, —
 Знать я, мальчишка,
 Достоин тому.
 Смотрите, ребята,
 В подзорную трубу —
 Иду на смерть я.
 Жгите, палите
 Костры из огня,
 Точите, вострите
 Ножи и копыя,
 Секите, рубите
 Главу вы мою,
 Бросайте в огонь
 Вы мясо мое —
 Пущай горит мясо
 Пылает из огня...²

¹ З. Н. Куприянова, Песни деревни Погромны. «Язык и литература», т. VIII, Л. 1932, стр. 35—36.

В моем рукописном собрании имеется еще текст, близкий к приведенному, записанный в 1926 г. В. Н. Мошкиным в селе Железный Борок, бывш. Костромской губернии.

² Записки Красноярского подотдела Восточно-сибирского отдела Русского географического общества, т. I, в. 1, стр. 154, № 41.

И здесь только первая часть песни восходит к «Узнику». Переход к новой теме дается опять словами орла-товарища: «Полетим, товарищ, на сини моря. На синим на море бушует волна, за этой волной белеет тюрьма». Здесь видим мы переход не к любовной песне, а к тюремной. Это, пожалуй, характерно именно для сибирского варианта. Правда, самая тема «Узника» естественно вызывала ассоциации с тюремными песнями; так и в некоторых других вариантах любовная тема вновь приводит к теме тюрьмы.

Но в сибирском варианте тюремная песня, в сущности, оказывается преобладающей, а «Узник» Пушкина является как бы только трамплином. При этом, как и во многих вариантах фольклорной переделки «Узника», собственно «узник» в начальной части темы исчезает и заменяется орлом, к которому прилетает его товарищ (дружба узника с орлом заменена дружбой двух орлов).

Таким образом, «Узник» получил и достаточно широкое распространение и богатое разнообразными изменениями изложение.

5

«Черная шаль», войдя через лубочные издания в фольклорный обиход, дает ряд любопытных рефлексов. Так, в песне, записанной в 1924 г. студ. Е. В. Галаниной в бывш. Буйском уезде Костромской губ., из «Черной шали» взята только одна строчка, остальная часть песни никакого отношения к тексту Пушкина не имеет (только ритм сохраняется тот же):

Гляжу я безмолвный на серую шаль.
Вот на шаль¹.

¹ Запись Е. В. Галаниной из моего рукописного собрания. Разрядкой мы отмечаем отличия от текста Пушкина в отдельных словах. После каждой строки повторяется последнее слово с добавлением «вот». Так как в дальнейшем для сравнения важно иметь перед глазами текст Пушкина, приводим его здесь:

Гляжу как безумный на черную шаль,
И холодную душу терзает печаль.
Когда легковверен и молод я был,
Младую гречанку я страстно любил.
Прелестная дева ласкала меня;
Но скоро я дожид до черного дня.
Однажды я созвал веселых гостей:
Ко мне постучался презренный еврей.
«С тобою пируют (шепнул он) друзья;
Тебе ж изменила гречанка твоя». —
Я дал ему злата и проклял его,
И верного позвал раба моего.
Мы вышли; я мчался на быстром коне;
И кроткая жалость молчала во мне.
Едва я завидел гречанки порог;
Глаза потемнели я весь изнемог...
В покой отдаленный вхожу я один...
Неверную деву лобзал армянин.
Не звидел я света: будат загремел...
Прервать поцелуя злодей не успел,

С душою унывной я выйду на луг,
 Там травки повяли, все цветики вдруг,
 В зеленой дубраве листья не шумят,
 Ручьи серебристые текут, не журчат,
 Не солнце сияет, не ясно горит,
 Там в мертвом затмении природа вся спит.
 Кукушка кукует во темном лесу.
 Уймися, кукушка, перестань куковать
 Тепере милова мне во век не видать.
 Недурно кукушка спорхнула в тиши,
 Звилась, полетела во дальни страны,
 На тот берег села, у нашей Шачи-реке,
 Там громко запела об несчастной судьбе..

Здесь стих Пушкина использован только как прелюдия, созвучная настроению песни. Дальнейший же текст является переделкой стихотворения Алипанова «Грусть по милой», сочиненного «на голос» «Черной шали»¹.

Иного рода картину видим в двух песнях из бывш. Тобольской губернии². Приводим первый из этих текстов (отмечая разрядкой места, близкие к тексту Пушкина):

<p>1. Беднишкой мальчишко
 Веселинкой был,
 Военную службу
 До страсти любил.</p> <p>5 Сюртук, эполеты
 Скрашали его,
 Прекрасные мамзели</p> <p>8. Ласкали его.
 Однажды я дожил
 До чернова дня;
 Назвал себе гостей</p> <p>12. Солдат молодых.
 К нему повстречался
 Капрал у дверей.
 «Пожалуйте, сударь,</p> | <p>16. К рощоту прибыть;
 К рощоту, к розводу
 Всю роту вести». Маер и полковник</p> <p>20. Давно дожидал:
 Пожалуйте, Ваня,
 Ему саблю свою,
 Булатну саблю,</p> <p>24. Пунчевой стакан.
 Со этого стакана
 Наш Ванюша пьян.
 За это за пьянство</p> <p>28. На обвахту садить,
 На обвахту и на лавку
 И в окошко глядеть,</p> |
|---|---|

Безглавое тело я долго топтал,
 И молча на деву, бледнея, взирал.
 Я помню моленья, текущую кровь...
 Погибла гречанка, погибла любовь.
 С главы ее мертвой сняв черную шаль,
 Отер я безмольвно кровавую сталь.
 Мой раб, как настала вечерняя мгла,
 В дунайские волны их бросил тела.
 С тех пор не целую прелестных очей,
 С тех пор я не знаю веселых ночей.
 Гляжу как безумный на черную шаль,
 И хладную душу терзаю печаль.

¹ См. например, И. Н. Розанов, Песни русских поэтов («Библиотека поэта», 1936) стр. 315. Аналогичный текст с включением первой строки Пушкина записан В. Н. Мошкиным в 1926 г. в селе Железный Борок бывш. Костромской губернии (из моего собрания).

² См. «Записки Красноярского подотдела Восточно-сибирского отдела Русского географ. общества. По этнографии», т. I, в. I (Красноярск, 1902), стр. 163, № 65 и стр. 199, № 174.

Ище того скучняе
32. Сквозь решетку смотреть.

Заставляли Ванюшу,
34. Мамзели здесь неть¹,

Перед нами своеобразная солдатско-арестантская трансформация «Черной шаль»: первая часть песни является типично солдатской, вторая — тюремной.

6

Каковы же результаты наших наблюдений?

1. Число произведений Пушкина, проникших в фольклорный обиход, как мы отметили выше, невелико сравнительно с общим объемом творчества поэта. Однако оно все же довольно велико сравнительно с другими авторами: мы имеем в фольклоре отражение нескольких, довольно разнообразных и частью довольно крупных по размерам произведений Пушкина; с такими фактами в истории литературы и фольклора приходится встречаться не так уж часто.

2. Произведения Пушкина, перешедшие в фольклор, получили довольно широкое распространение. Об этом говорит и сравнительная многочисленность записей в некоторых случаях (особенно выделяются в этом отношении «Узник» и «Братья-разбойники») и обширность территории, на которой производились эти записи (в частности, имеем ряд записей сибирских; имеются также случаи воздействия Пушкина на фольклор других народов — эстонский, литовский). Об этом же говорит и значительная изменчивость текстов, свидетельствующая о том, что произведения эти действительно усваиваются фольклором и начинают жить по законам фольклора.

3. Состав произведений, перешедших в фольклор или оказавших воздействие на фольклор, характерен в двух отношениях:

а) по большей части самые эти произведения либо опираются на фольклорный материал («Сказка», «Утопленник», отчасти «Братья;

¹ Второй текст немного короче и отчасти изменен. Первая строка: «Молодиной Ванюшка». Строчек 5—8 нет (нет и аналогии им).

Вместо строки 9 имеем: «Он дожид — не дожид». Вместо строк 11—14:

Сказали капралу —
Ванюшинька пьян.
Не вдруг постучался
Капралу в двери.
Однажды с ученья
Гостей уводил...

Вместо строки 16: «К росчоту людей». Вторая половина песни (начиная со слов «Маер и полковник») совершенно изменена:

Посадили Ванюшку
В темницу сидеть
И в решетку глядеть.
Скучно, скучно Ване
В темнице сидеть!
Мне того было скучнее —
Родителей нет.
В темнице сидеть

И в решетку глядеть.
Мне того было скучнее —
Товарищей нет.
Скучно, скучно Ване
В темнице сидеть
И в решетку глядеть,
Мне того было скучнее —
Мамзели здесь нет,

разбойники», либо близки к этому материалу тематически («Узник», «Черная шаль»¹, «Дубровский»);

б) в ряде произведений остро поставлены социальные темы («Узник», «Братья-разбойники», «Дубровский»); в этом плане можно вспомнить также популярность «Романса» («Под вечер осенью ненастной»), широко распространенного в песенниках и в лубочных картинах². Фольклорные переработки подхватывают эти социальные мотивы и еще усиливают их (отсюда, между прочим, и переработка «Черной шали»).

В общем итоге можно сказать, что если при самых неблагоприятных условиях произведения Пушкина могли проникнуть в сравнительно широкий фольклорный обиход, это лишний раз свидетельствует о творческой мощи и народности поэта.

¹ «Черная шаль» опирается на фольклорный материал, но не русский а молдавский.

² Романс этот вызвал даже специальное продолжение, печатавшееся в лубочных изданиях под заголовком «Подкидывш» (см. напр., В. И. Чернышов, Русская баллада. «Библиотека поэта», 1936, стр. 370—372, № 338).

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРИТИК

Е Ж Е М Е С Я Ч Н Ы Й
Ж У Р Н А Л
ЛИТЕРАТУРНОЙ ТЕОРИИ
КРИТИКИ
И ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ

К Н И Г А
П Е Р В А Я

Г О С Л И Т И З Д А Т
1 9 · Я Н В А Р Ь · 3 7